

**СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ:
ЧТО МОДЕРНИЗИРОВАТЬ И КТО МОДЕРНИЗАТОРЫ?**

Малева Т. М., к.э.н., директор Независимого института социальной политики (НИСП)
Овчарова Л. Н., к.э.н., зам. директора Независимого института социальной политики (НИСП)

Взгляд авторов на социальную модернизацию — результат многолетней исследовательской деятельности: в той или иной мере проблемы, затронутые в статье, составляли предмет исследований Независимого института социальной политики (НИСП), который в этом году отмечает свое 10-летие. Авторы обозначают векторы социальной модернизации по методологической схеме «от status quo к желаемому состоянию». Эти векторы касаются практически всех сфер социальной политики: рынок труда, образование, социальная защита, пенсионная система, демографическое развитие, информационное обеспечение социальной политики и пр. Вторая часть статьи посвящена анализу структуры российского общества, с точки зрения выделения тех социальных групп, которые могут рассматриваться как социальная база модернизации. По мнению авторов, центральным элементом этой структуры выступает средний класс в силу своих функциональных характеристик и той роли, которую он призван играть в обществе и в экономике.

О СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

До наступления экономического кризиса в конце 2000-х гг. необходимость социально-экономической модернизации была осознана лишь узким кругом экспертов, которые даже на пике экономического роста не были удовлетворены его качеством [Побережников, 2006; Коалиции для будущего..., 2007; Мау, 2005]. Политическое звучание проблема получила лишь благодаря кризису, начавшемуся в 2008 г. и не закончившемуся по сей день. Не стал ли экономический кризис стимулом к поиску тех решений, которые в предшествующие благоприятные периоды были либо не видны, либо не нужны? Ведь сегодня уже очевидно: несмотря на то что кризис был спровоцирован внешними по отношению к российской экономике факторами, он обнажил внутренние диспропорции нашей экономики и общества. И желаемое завершение мирового кризиса отнюдь не будет означать решение внутренних российских экономических и социальных проблем. Более того, их нерешенность может стать барьером для эффективного выхода на посткризисную траекторию развития. Другими словами, мы вошли в кризис по причине факторов внешних, а не можем выйти из него по причине факторов внутренних.

Сегодня с тем, что модернизация необходима, согласны все или по меньшей мере, большинство. Проблема, однако, в том, что до выработки общей или хотя бы преобладающей позиции по вопросам, что такое модернизация и как ее осуществлять, в политических и экспертных кругах еще очень далеко.

Суть модернизации сводится к формированию сильной в экономическом, политическом, научном, военном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения. В современном обществе на первый план выходят проблемы развития человека, инвестиций в человеческий капитал, повышения производительности труда. В мире сложилось понимание, что главное конкурентное преимущество современной высокоразвитой страны связано с качеством человеческого капитала и факторами, непосредственно обеспечивающими жизнедеятельность людей. У модернизации есть социальный аспект, который в первую очередь предполагает необходимость коренного реформирования секторов, связанных с развитием человеческого потенциала.

Россия — не единственная страна, которая столкнулась с такими проблемами. Этот кризис вообще не является посткоммунистической проблемой, он имеет глобальный характер. Все развитые страны мира сегодня стоят перед необходимостью существенной перестройки своих социальных систем, сформировавшихся в период, когда преобладало молодое население, продолжительность жизни была относительно невелика, а составлявшие большую часть населения сельские жители почти не пользовались услугами социального сектора. Сегодня ситуация радикально изменилась и даже самые развитые страны с трудом справляются с резко возросшей социальной нагрузкой.

Между тем в современной России социальные проблемы отличаются особой остротой. Причины тому — неравномерное развитие различных сфер жизни и дисбаланс в системе социальных, политических и культурных и пр. факторов развития. Эти причины — важная особенность всех прежних попыток модернизировать Россию [Мау, 2005]. В результате страна с рыночной экономикой, находящейся в процессе постиндустриального перехода, живет с незавершенной демографической модернизацией [Вишневыский, 2009] и имеет модель социальной политики, сложившуюся в условиях индустриального социалистического общества [Малева, Овчарова, 2009].

Человечество пока не сконструировало идеальную социальную модель. Более того, экономический кризис поставил под сомнение даже те общественные системы, в которых, как казалось, достигнут относительный социальный баланс. Образца, достойного подражания, нет и, видимо, не будет. Идеальная социальная модель — это не конечное состояние, а движущийся и постоянно меняющийся фронт, поэтому крайне трудно обозначить «пункт прибытия», если ставить перед собой цель разработать маршрут, ведущий к социальной модернизации.

Однако необходимо хорошо представлять «пункт отправления». Мы попытались обозначить векторы социальной модернизации по методологической схеме «от status quo к желаемому состоянию».

Наш взгляд на социальную модернизацию — результат многолетней исследовательской деятельности: в той или иной мере эти проблемы составляли предмет исследований Независимого института социальной политики (НИСП), который в этом году отмечает свое 10-летие. В этом отношении настоящую статью можно считать неким отчетом о проведенной работе. И в ряде случаев мы позволили себе опустить детальную аргументацию и эмпирические свидетельства, послужившие основанием для нашей убежденности. Эти аргументы приведены в многочисленных публикациях научных сотрудников НИСП.

ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Предшествующее развитие и экономический кризис в России поставили социальные системы перед новыми вызовами, ответом на которые является изменение векторов в развитии институтов и принципов функционирования социальной сферы.

1. Рынок труда

- *От политики низкой безработицы — к политике эффективной занятости*
- *От дешевых и неэффективных рабочих мест — к рабочим местам с достойной заработной платой и высокой квалификацией труда*
- *От жесткого трудового законодательства и слабой дисциплины экономических субъектов — к гибкому трудовому законодательству и высокой дисциплине участников рынка*

Рынок труда — базовый элемент социальной сферы, по отношению к которой большинство прочих социальных процессов в обществе являются производными.

В течение долгого времени максимальная часть инструментов и действий на российском рынке труда сводилась к регулированию открытой (зарегистрированной) безработицы с целью поддержания формально высокого уровня занятости и не преследовала цели реструктуризации занятости. В течение 20 лет в поле политического воздействия находилась лишь зарегистрированная безработица, т. е. от 1% до 3% от численности экономически активного населения. Во время нынешнего экономического кризиса (2008–2009 гг.) правительство осуществляло политику поддержки отдельных крупных промышленных предприятий, предотвращая в том числе массовые высвобождения работников. На предприятиях, вошедших в список, занято менее 15% от численности экономически активного населения.

И этот эпизод, и все предшествующие периоды показывают, что в сфере занятости политика поддержания старых неэффективных рабочих мест явно превалировала над политикой создания новых эффективных рабочих мест [Капелюшников, 2007, 2009].

Сегодняшняя политика *занятости* по сути является политикой *противодействия безработице*. Последствия этой политики — сохранение архаичной структуры экономики, низкая производительность труда, низкий в абсолютном выражении уровень оплаты труда, формирование и хроническое воспроизводство группы «работающих бедных» и пр.

Действующее трудовое законодательство не предусматривает гибкости рынка труда, в первую очередь оно направлено на консервацию действующей структуры занятости.

Хотя Трудовой кодекс расширил сферу применения срочных трудовых договоров [Сколько стоит Трудовой кодекс, 2001], на практике по-прежнему доминируют бессрочные трудовые договоры и их вес продолжает увеличиваться. Излишняя регламентированность переводов на другую работу в связи с технологическими изменениями сдерживает инновации в производстве. Гибкие графики работы, неполная занятость, упрощенные процедуры приема и увольнения практически отсутствуют. А нетрадиционные формы занятости, сопровождающие постиндустриальное и инновационное развитие, например дистанционная, действующим законодательством вообще не предусмотрены.

В стране отсутствует современная национальная система квалификаций. В России, согласно действующему «Единому тарифно-квалификационному справочнику», насчитывается более 7 тысяч рабочих профессий, в то время как в странах ОЭСР сборники рабочих профессий включают от 600 до 800 профессий. Столь сильная детализация противодействует гибкости и эффективности производственных процессов, управления персоналом на предприятиях и в экономике в целом.

Все это сдерживает рост производительности труда. Чрезмерная жесткость трудового законодательства делает неизбежными массовые нарушения, а также способствует систематическому воспроизводству неформальных трудовых отношений [Вишневская, Капелюшников, 2007].

2. Образование

- *От формального расширения доступности высшего образования к дифференциации ступеней образования и повышению его качества*

В последние годы и общий дискурс, и практические шаги были связаны с реформами в сфере высшего образования. Формальный доступ населения к высшему образованию в последние годы расширился, но одновременно с этим его качество существенно снизилось [Социальная дифференциация..., 2005].

На фоне оживленной дискуссии в обществе о высшем образовании в тени остался тот факт, что образование и качество рабочей силы отнюдь не тождественны. Сегодня российские работодатели все чаще говорят о низкой квалификации рабочей силы, об отсутствии ее роста и о низкой трудовой и производственной дисциплине¹.

В системе подготовки и квалификации нарушен баланс по объему и качеству высшего, среднего и начального профессионального образования. Необходимо переходить от массового распространения высшего образования к повышению качества образования на всех его ступенях — в сфере начального, среднего и высшего образования. Эффективная экономика всегда требует соблюдения оптимальной пропорции специалистов разного уровня квалификации.

Крайне слабо развита система непрерывного образования, которая в настоящее время характеризуется низким охватом работников, низким качеством услуг и часто вырождается в чисто формальные процедуры. В итоге абсолютное большинство работников на российском рынке труда — носители устаревшего образования и компетенций, они существенно препятствуют модернизации экономики. Будущее развитие немыслимо без активной поддержки и развития системы непрерывного образования и превращения ее в часть трудовой карьеры каждого работника.

3. Социальная защита населения

- *От социальной защиты массовых категорий к адресной поддержке социально уязвимых групп*

В условиях структурного кризиса 1990-х гг. низкий уровень минимальной заработной платы и трудовой пенсии способствовал приоритетному развитию

¹ См. выступление председателя Комитета РСПП по рынку труда и кадровым стратегиям, главы группы «Онэксим» М. Д. Прохорова на конференции «Человеческий капитал как средство модернизации экономики» в рамках Недели российского бизнеса: <http://nrb-rspp.ru/otchet/review-25/>

категориального подхода в оказании социальной помощи, призванного поддержать наиболее заслуженные и пострадавшие в ходе кризиса группы независимо от уровня их доходной обеспеченности. В результате 60% российских домохозяйств оказались получателями категориальных социальных льгот и выплат [Социальная поддержка..., 2010].

Монетизация льгот ликвидировала большинство нефинансируемых мандатов по льготным категориям, но сохранила категориальных льготников как главный контингент получателей денежных выплат и льгот. Сегодня на финансирование ежемесячной денежной выплаты, заменившей льготы, направляется больше половины всех средств, расходуемых на все социальные пособия, включая страховые. Основными получателями социальных льгот являются пенсионеры, которым данная социальная программа компенсирует низкий уровень пенсионного обеспечения. При этом льготополучатели сконцентрированы в среднедоходных группах населения [Доходы и социальные услуги..., 2005].

Существование масштабной системы поддержки массовых категорий населения без контроля их доходов блокирует развитие адресных программ для бедных, являющихся неотъемлемой частью рыночной экономики, ориентированной на воспроизводство качественного человеческого потенциала и сохранение его в период сложных жизненных ситуаций, связанных с потерей доходов (рождение детей, периоды нетрудоспособности, высокий уровень иждивенческой нагрузки, длительная безработица). Более половины бедных домохозяйств не имеют права на участие в адресных программах поддержки бедных (жилищные субсидии, пособия для детей из бедных семей, региональные пособия по нуждаемости).

Развитие адресных программ для бедных станет приоритетным только в том случае, когда реально начнут сокращаться программы социальной поддержки, действующие без контроля доходов получателей помощи. В условиях поставленной задачи повышения средней пенсии до величины двух прожиточных минимумов (ПМ) пенсионера система категориальных льгот должна ориентироваться на поддержку низкодоходных категорий льготников. Чтобы не создавать социальной напряженности при реализации таких мер, целесообразно устанавливать более высокий, чем ПМ, порог входа в данную систему, например на уровне 1,5–2 ПМ.

- ***От социальных пособий к социальным контрактам***

Ориентация социально-экономического развития на модернизационный сценарий требует имплементации элементов развития во все социальные и экономические программы, включая и программы поддержки бедного населения.

В настоящее время среди их участников высоко представительство небедных, а среди бедных многие не имеют доступа к программам социальной поддержки. В кругу бедных семей — получателей адресных пособий широко распространена незанятость или частичная занятость трудоспособных. Пассивный характер программ социальной поддержки способствует росту иждивенческих настроений, с одной стороны, и нежеланию местных властей повышать размер пособий — с другой.

Преодолеть данную проблему позволило бы введение принципа оказания социальной поддержки при условии заключения социального контракта, предусматривающего социальную адаптацию трудоспособных незанятых членов домохозяйства (обязательные этапы адаптации — получение профес-

сиональных навыков, переобучение, активный поиск работы через службу занятости и т. п.). Условия социального контракта должны основываться на принципе «прежде всего возможность трудиться», что будет стимулировать трудоспособных индивидов совершенствовать и использовать свой трудовой потенциал. Данные условия могут включать поиск работы, временное участие в общественных работах, участие в программе реабилитации для индивидов с алкогольной зависимостью, участие в программе переподготовки или выполнение какой-нибудь работы. Контракты социальной адаптации могут сочетать низкооплачиваемую занятость и пособия из системы социальной защиты, в этом случае их называют «зарплата + пособие».

Сокращение числа небедных участников программ социальной поддержки и активизация трудового потенциала бедных — два основных преимущества данного концептуального подхода к организации социальной защиты населения.

- ***От поддержки отдельных категорий населения к равномерной поддержке домохозяйства на различных этапах жизненного цикла***

Сложившаяся система социальной поддержки населения, особенно денежных пособий для бедных семей с детьми, не привязана к жизненному циклу семьи, вследствие этого она не выполняет функции гармонизации распределения полномочий по обеспечению уровня и качества жизни между семьями, государством и рынками. В результате на различных этапах жизненного цикла семья испытывает острые стрессы, которые действующая система институтов и социальной политики не способна смягчить. Кроме того, ориентация на поддержку не семьи (домохозяйства), а отдельных категорий индивидов влечет за собой масштабные ошибки включения и исключения из адресных программ.

В результате всего вышеперечисленного в социальной поддержке существует целый ряд системных противоречий [Овчарова, 2010]. Семьи с детьми до 1,5 лет получают существенную социальную помощь, которая может достигать до 70% ПМ ребенка. В то же время семьи с детьми от 1,5 до 16 лет получают незначительную социальную поддержку — около 6% ПМ. Регионализация пособий только усиливает неравенство в рисках бедности, с которыми сталкиваются семьи с детьми из разных регионов России (в некоторых благополучных регионах размер социальной помощи семьям с детьми доходит до 100% ПМ, в то время как в бедных регионах размер помощи не превышает 4% ПМ). Из-за изменчивости численности детского контингента и обеднения семей с детьми инфраструктура детских дошкольных учреждений сначала была резко сокращена, теперь осуществляются масштабные инвестиции в ее восстановление. Новая адресная программа поддержки неработающих пенсионеров с пенсией ниже величины ПМ с потенциальной численностью участников в 5 млн человек, также базируется на оценке индивидуальных, а не семейных доходов. В результате 30% от общей численности потенциальных участников не являются бедными с точки зрения душевых доходов, а 30% реально бедных пенсионеров не получают доступа к новой адресной программе.

Преодолеть данные противоречия позволит введение федерального пособия по бедности, действующего на основе контроля душевых семейных пособий по аналогии с назначением и выплатой жилищных субсидий и пособия на детей из бедных семей. Размер пособия должен гарантировать некоторый консенсуальный уровень минимального потребления для России.

- *От слабых монетарных мер поддержки нетрудоспособного населения к развитию сектора социальных услуг населению*

В современном мире социальное развитие идет по пути перераспределения функций по обеспечению уровня и качества жизни населения между обществом, рынками и семьей [Esping-Andersen, 1990, 2002]. Применительно к рыночной экономике и демократической политической системе с широким списком участников социального процесса эту триаду можно уточнить как перераспределение полномочий между государством и его специализированными социальными институтами, обществом в лице институтов гражданского общества, рынками, семьями, индивидами и социальными сетями. Вектор этого перераспределения — передача ряда функций и полномочий от семьи к рынкам и институтам. Задача социальной политики — поиск оптимального баланса в распределении этих полномочий и ответственности.

В современной России до достижения этого баланса чрезвычайно далеко. Сложившуюся российскую систему социальной поддержки населения (исключая пенсионную систему) кратко можно охарактеризовать следующим образом: 1) слабая система пособий для семей с детьми при умеренно развитом секторе детских дошкольных учреждений и школьной инфраструктуры [Российские домохозяйства..., 2008; Семья в центре..., 2009]; 2) развитая система пособий для пожилых при практически полном отсутствии сектора услуг внесемейного ухода за пожилыми [Малева, Синявская, 2007; Синявская, Сухова, 2009]. Сложившееся положение, при котором практически вся нагрузка по уходу за нетрудоспособными членами общества (детьми, пожилыми, инвалидами и пр.) решается за счет семейных социальных услуг, может стать непреодолимым барьером на пути реализации модернизационного сценария развития, ориентированного на повышение производительности труда: экономически активное население принимает на себя всю тяжесть семейной нагрузки и не может в полном объеме реализовать свой экономический и трудовой потенциал. Сейчас работники на пике своей карьеры (особенно женщины) обременены услугами по уходу за детьми и пожилыми. Вследствие подобного распределения ролей мы имеем низкую производительность труда и неформальный договор с работодателем о гибком сочетании семейных обязанностей и экономической активности.

Даже обеспеченные домохозяйства сталкиваются с дефицитом бюджетных и рыночных услуг по уходу за детьми и их воспитанию. Дети из бедных семей и семей с низким человеческим капиталом существенно ограничены в доступе к детским дошкольным учреждениям, они поступают в школу с низкими навыками позитивного социального поведения. Школьная инфраструктура, утратившая за годы реформ мандат социализации и воспитания детей, консервирует низкий уровень их социализации и адаптации, особенно у мальчиков. В результате всего этого человеческий капитал становится серьезным барьером модернизации. Следует подчеркнуть гендерные диспропорции, складывающиеся не в пользу мужчин. Для них все большим барьером входа в систему профессионального образования является низкий уровень школьной подготовки.

Дефицит внесемейных услуг по уходу за пожилыми людьми настолько велик, что можно смело говорить о его отсутствии, особенно в сегменте рыночной экономики. Уход за пожилыми — мандат расширенной семьи, реализация которого существенно затруднена модернизацией семейных отношений, особенно в крупных городах (большинство населения проживает в нуклеарных, а не трехпоколенных семьях) и семьях, где все трудоспособные экономически активны.

Чем старше население и выше рождаемость, тем ощутимее институциональные бреши на рынке социальных услуг, включая государственную систему социального обслуживания.

Без формирования сектора услуг по уходу за пожилыми (государственного и рыночного), развития внесемейных услуг по воспитанию и развитию детей экономически активное население средних возрастов не будет мотивировано на рост производительности труда и не сможет принять и реализовать модернизационный сценарий развития.

4. Пенсионная система

• *От инструмента борьбы с бедностью к системе страхования и накоплений*

2000-е гг. прошли под знаком пенсионной реформы. Реформа стартовала, модифицировалась и, судя по всему, захлебнулась. Ей так и не удалось решить стоящие перед ней крупномасштабные задачи [Малева, Синявская, 2005].

Сегодняшняя пенсионная система, две самые мощные подсистемы которой (базовая и страховая) по-прежнему строятся на принципе солидарности поколений, оказалась не в состоянии ослабить мощное влияние долговременного и неизбежного демографического фактора старения населения. Первоначальный замысел формирования страхового принципа пенсионной системы уже в середине 2000-х гг. был дезавуирован, и пенсионная система смещается от страхования к системе социального обеспечения. Накопительный элемент практически не получил развития и не стал сколько-нибудь весомым в пенсионной системе.

По-прежнему сохраняется крайне низкий возраст выхода на пенсию, что не оправданно ни с экономической, ни с социальной точек зрения [Малева, Синявская, 2010]. Финансирование пенсий работников целого ряда отраслей и проблема льготных (досрочных) пенсий в новых пенсионных координатах не получили решения, а тенденция к сокращению фактического срока выхода на пенсию не только сохраняется, но и усугубляется, что имеет ярко выраженные негативные последствия для финансового положения пенсионной системы.

Создание стимулов к легализации оплаты труда как основы для формирования будущей страховой пенсии составляло одну из целей пенсионной реформы. Однако на практике эта связь оказалась неочевидной. Неформальный сектор рынка труда не сократился, а лишь реструктурировался. Значительная часть трудовых доходов по-прежнему носит теневой и неформальный характер.

Сохраняется высокая степень государственного монополизма в управлении пенсионной системой, и этот монополизм растет. Негосударственные пенсионные фонды и прочие коммерческие институты так и не стали сильными акторами пенсионной системы.

События в пенсионной сфере последнего десятилетия показали опасность высокой степени ее зависимости от текущих экономических кризисов и политических приоритетов. Этот приоритет — сокращение бедности среди лиц пенсионных возрастов [Малева, Синявская, 2005].

В итоге текущее финансовое состояние Пенсионного фонда и среднесрочный прогноз показывают высокие риски финансового дефицита при различных экономических и политических сценариях [Гурвич, 2010]. Постоянно принимающиеся новые обязательства влекут дополнительные расходы без привлечения новых источников финансирования. Рельефный пример — последние новации в пенсионной системе (2009 г.), в результате которых, предположительно, минимальный размер пенсий достигнет уровня ПМ.

Все эти проблемы пенсионной системы страны, накопленные в течение долгого времени, уже не могут быть устранены одним или двумя локальными решениями. По существу, на повестку дня встает вопрос о новом этапе реформирования пенсионной системы.

5. Информационная база социальной политики

- *От статистики, ориентированной на макроэкономический уровень, к развитой информационной системе данных о населении, включая микроданные*

Повышение эффективности социального развития невозможно без существенного повышения уровня информационной поддержки и социальной статистики. Сегодняшнее ее состояние не позволяет адекватно оценивать важнейшие социально-экономические и демографические процессы, в том числе ситуацию на рынке труда, уровень, распределение и дифференциацию доходов населения, уровень развития социальных институтов, оказывающих услуги населению, и пр. Тем более оно не позволяет разрабатывать прогнозы и приоритеты развития. В этой связи социальной статистике, помимо ряда дополнений и изменений в действующую систему статистического учета и наблюдений, предстоит решить принципиально новые задачи.

Необходимо расширить практику выборочных обследований населения. Большинство социальных процессов не поддается прямому статистическому учету и может анализироваться лишь на основе репрезентативных выборочных обследований населения, которые в настоящее время развиты крайне слабо. Среди индикаторов социального развития практически не развиты мониторинговые обследования, которые позволяют анализировать социальные процессы в динамике. В частности, в стране практически не используются современные информационные методы, к которым относятся панельные (лонгитюдные) исследования.

Создание надежной информационной системы «Население» должно строиться не только на усилении государственной статистики и ее институтов, но и на основе широкой сети негосударственных и независимых аналитических агентств, центров и пр. И наконец, вся статистическая и социологическая информация должна быть открыта и доступна широкому кругу пользователей.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Итак, и характер большинства социальных процессов, и состояние институтов социальной сферы в России далеко отстоят от современных достижений стран — экономических лидеров. В этом отношении необходимость модернизации очевидна. В то же время возникает вопрос: возможна ли она? И если да, то каковы ее движущие силы?

Если для старта модернизации принципиальное значение имеет коалиция экономических и политических элит [Коалиции для будущего..., 2009], то для успешного хода и достижения целей модернизации необходима весомая социальная поддержка. Эта поддержка зависит от сложившейся модели социальной стратификации, равным образом характеризующей степень развитости и эффективности действующей социально-экономической системы и потенциал будущих модернизаций.

На наш взгляд, центральным элементом этой структуры выступает средний класс в силу своих функциональных характеристик и той роли, которую он призван играть в обществе и в экономике:

- средний класс — это наиболее производительная, образованная и эффективная рабочая сила, концентрирующая человеческий и социальный капитал нации;
- средний класс — класс, обладающий собственностью и заинтересованный в стабильности экономических, финансовых и социальных институтов, в том числе институтов, регулирующих отношения собственности;
- средний класс — активный экономический субъект потребительского рынка, и от его активности зависят состояние и перспективы развития этого рынка;
- средний класс — основной налогоплательщик и тем самым соинвестор социальной сферы;
- срединное положение среднего класса предопределяет его важнейшую роль в стабилизации общей социальной структуры и обеспечивает связь между различными группами общества;
- и наконец, средний класс — проводник инновационных форм экономического, потребительского, финансового и пр. поведения, он первый осваивает передовые практики и транслирует их всему обществу.

В современных развитых обществах 70% населения составляет средний класс, 15% — классы выше среднего и высшие классы, 15% — бедные [Analyzing Inequality..., 2005; Mobility and Inequality..., 2006; Pakulski, Waters, 1995; Rose, 2000]. Ориентируясь на подобный американско-европейский эскиз, вдохновленное успехами экономического развития в течение последних лет, российское государство, формулируя долгосрочную социальную концепцию, позволило себе отойти от традиционной в 1990–2000-х гг. задачи преодоления (снижения) бедности и сформулировало принципиально иную стратегическую цель — рост среднего класса, который в среднесрочной перспективе должен достичь 50% и даже 70% в структуре общества². И следует согласиться, что по своему замыслу эта задача вполне отвечает целям социальной модернизации.

И хотя однозначно определить социальную структуру в трансформирующемся обществе, которое прошло путь к рыночным отношениям за 20 лет, в то время как в западных странах этот процесс эволюционно развивался на протяжении столетий, весьма трудно, все же в российской науке сложилась методология изучения этого вопроса. Не углубляясь в подробности [Малева, Овчарова, 2009]³, кратко изложим основные результаты, от которых зависит понимание проблемы.

Средние классы в современной России, определяемые как совокупность социальных групп с относительно высоким уровнем благосостояния, высоким социально-профессиональным статусом и обладающие устойчивостью этих характеристик, составляют около 20%.

² См. выступление Президента России Д. А. Медведева в феврале 2008 г. на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года»; http://www.kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_ture63374ture63378ture82634_159528.shtml; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации: http://mert.tatar.ru/rus/file/pub/pub_8406.doc

³ Эти вопросы подробно изложены в монографии «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» / Под ред. Т. М. Малевой. — М.: Гендальф, 2003.

С точки зрения перспектив развития принципиален вопрос, не сколько среднего класса в России, а каков его потенциал. Какие социальные слои (классы, группы) имеют шансы на приближение или вхождение в средние классы? И у каких групп таких шансов нет?

Низшие слои составляют чуть менее 10% от числа российских домохозяйств. С точки зрения материального положения эти семьи находятся за чертой бедности. Взрослые члены этих семей не имеют высшего образования, тем самым они мало конкурентоспособны на рынке труда или же обречены на занятость на низкооплачиваемых и непрестижных рабочих местах. Наконец, они не испытывают иллюзий по поводу своего социального будущего — у них сформировано чувство неуверенности в отношении большинства сфер их жизни.

Между средними классами и низшими слоями находится группа, занимающая промежуточное социальное положение, которую можно описать формулой «уже не низшие, еще не средние». И их сегодня подавляющее большинство — 70% от общего числа российских домохозяйств. Эта группа неоднородна. Чуть менее ее половины (30%) более подходят на средний класс и тем самым обладают шансами на присоединение к нему. Эту группу условно можно назвать рекрутами среднего класса. Оставшиеся 40% имеют больше общих черт с низшими группами и при негативных сценариях могут пополнить ряды бедных. Это — «зона риска бедности».

Так выглядела социальная пирамида на пике экономического роста в конце 2007 г., который, как показал ход событий, оказался последним безоблачным годом устойчивого экономического роста, не деформированным мировым и последующим за ним российским кризисом [Малева, Овчарова, 2009].

Но истинный драматизм российской ситуации — отнюдь не в малочисленности среднего класса. Практически такая же социальная структура была характерна для российского общества в конце периода длительной рецессии 1990-х гг. и в преддверии экономического подъема 2000-х гг. [Средние классы в России..., 2003]. А это означает, что вопреки массовым политическим и социальным ожиданиям, ведь экономический рост — уже сам по себе гарантия роста среднего класса и сокращения бедности, социальная ситуация в стране стагнирует. Причина — в слабом развитии социально-институциональной среды.

Невысокая доля среднего класса и преобладание в социальной структуре групп, которые относятся к «классу ниже среднего», означает, что в обществе социальная база модернизации крайне слаба. Этот вывод многократно усиливается региональным анализом. Региональные социальные различия можно оценить и с помощью индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанного Программой развития ООН. Хотя после 2005 г. Россия впервые вошла в группу развитых стран, региональные различия ИРЧП огромны и продолжают расти [Зубаревич, 2010].

Но так ли уж очевиден вопрос о маломощности среднего класса?

Средние классы составляют лишь пятую часть общества, а много это или мало — зависит от угла зрения. 20-процентная доля средних классов, хотя и уступает аналогичным оценкам размеров средних классов в развитых рыночных экономиках (60–70%), все же, на наш взгляд, достаточно весома, чтобы не замечать факта его существования. Главная сила среднего класса — не в количественном весе, а в той роли, которую он играет в обществе. Эта роль — в восприимчивости к разного рода инновациям и способности транслировать инновационные практики всему обществу. Поскольку современный российский средний класс — социальная группа, более молодая, хорошо об-

разованная, лучше обеспеченная материально, живущая преимущественно в крупных и столичных городах, во множестве сфер она оказывается более активной. В инновационных формах деятельности на рынке труда, в экономической, предпринимательской и финансовой деятельности, на потребительском рынке и прочих сферах активность среднего класса превышает активность более массовых слоев как минимум в несколько раз. Самим фактом приверженности к более активным социально-экономическим стратегиям средний класс доказывает свою способность вписаться в модернизационный процесс и поддержать его, если этот процесс отвечает его интересам.

В то же время не следует преувеличивать инновационность среднего класса или его приверженность модернизационному развитию. Средний класс обладает известной степенью консерватизма, причем чем многочисленнее средний класс, тем сильнее он демонстрирует свой консерватизм. И именно этот процесс имеет место в современной России. Если в начале 2000-х гг. в портрете представителей средних классов явно прослеживались признаки пассионарности (склонность к риску, попытки освоить новые сферы деятельности, в том числе за счет повышения квалификации, а иногда и приобретения новой профессии), то сегодня портрет средних классов иной. Значительную часть современного среднего класса составляют госслужащие и чиновники, например массовый отряд работников госкорпораций, которым абсолютно не присуща склонность к рискам и, соответственно, ответственность за результаты. Прежнее стремление к экономической активности уступило место тяготению к социальной стабильности [Левинсон, 2009; Малева, Овчарова, 2009].

Средний класс практически никогда не выступает инициатором реформ, он может лишь поддержать их. В то же время опасность заключается в альтернативном сценарии: в случае несовпадения целей реформ и интересов среднего класса последний может отвергнуть их, в российском случае — не замечать, игнорировать, дистанцироваться от них. Кто, как ни средний класс, будучи неудовлетворенным состоянием институциональной среды, первым вступил в неформальные отношения с прочими агентами в сфере образования, здравоохранения, на рынке труда и пр., научился договариваться с бюрократией, — словом, поддержал все формы теневых отношений в обществе? И здесь он тоже продемонстрировал свою реальную силу — умение транслировать свои практики всему обществу, в результате чего теневые отношения густой сетью опутали все российское общество.

Эти черты делают средний класс реальным актором в модернизационном процессе. Его экономические требования и социальные ожидания уже настолько высоки, что стагнация или откат от ранее достигнутых стандартов вряд ли его устроит. И хотя переговорная сила среднего класса крайне слаба, все же власти придется с ним договариваться. Вопрос в том, какую цену готовы заплатить оба субъекта — государство и средний класс — за издержки модернизации [Григорьев и др., 2010].

Возможности для воспроизводства и расширения среднего класса определяются не институтами социальной поддержки, в которой нуждаются низшие классы и значительная часть слоя «ниже среднего», а институтами развития [Малева, 2008]. И это многократно усиливает необходимость модернизации социальных систем, о которых шла речь выше.

Тем самым общий стратегический вектор российской социальной модернизации:

- *от борьбы с бедностью к росту среднего класса;*
- *от тактики выживания к стратегии развития.*

Любой кризис имеет положительную сторону: он дает политические, экономические и социальные уроки, и нынешний экономический кризис — не исключение.

Мы надеемся, что нынешний экономический кризис изменит ход событий и положит начало новому модернизационному этапу, в том числе и в социальной сфере. В момент вхождения в кризис политическая развилка была достаточно ясна: сконцентрироваться на действиях в области социальной поддержки населения, на мерах сугубо антикризисного характера (политика в отношении безработных, поддержка доходов различных социальных групп, социальная защита малообеспеченных и пр.) или признать, что кризис — время для принятия стратегических решений и реализации тех институциональных реформ, которые либо крайне затруднены, либо невозможны на этапе эволюции. Разумеется, нельзя допустить, чтобы одна проблема заслонила собой другую, и в реальной политике придется искать баланс и совмещать решение обеих задач. Но именно сейчас России необходимо сделать выбор в пользу вектора, который помог бы сократить на посткризисном этапе разрыв между российской экономикой и экономикой стран-лидеров. Это сценарий реальной социальной и, в конечном итоге, экономической модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

Выступление Президента России Д. А. Медведева в феврале 2008 г. на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года» http://www.kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_type63374type63378type82634_159528.shtml

Вишневецкая Н. Т., Капелюшников Р. И. Информент трудового законодательства: охват, динамика, региональная дифференциация. — М.: ГУ–ВШЭ, 2007.

Вишневецкий А. Г. Незавершенная модернизация в России // SPERO. 2009. № 10 (Весна–лето).

Григорьев Л. М. и др. Средний класс после кризиса. Экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. — М.: БЭА, 2010.

Гурвич Е. Т. Реформа 2010 г.: решены ли долгосрочные проблемы пенсионной системы? // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 6.

Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований / Под ред. *Л. Н. Овчаровой*. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». № 211. — М.: Московский общественный научный фонд; Независимый институт социальной политики, 2010. — 248 с.

Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность: Коллективная монография / Рук. *Л. Н. Овчарова*; Независимый институт социальной политики. — М.: ГУ–ВШЭ, 2005.

Зубаревич Н. В. Цели развития тысячелетия и российские регионы // Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад ПРООН о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. — М., 2010; <http://www.undp.ru/OONrussEND.pdf>

Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. — М.: ГУ–ВШЭ, 2001.

Капелюшников Р. И. Конец российской модели рынка труда? — М.: ГУ–ВШЭ, 2009.

Коалиции для будущего. Стратегии развития России / «СИГМА». — М.: РИО-центр, 2007.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации: http://mert.tatar.ru/rus/file/pub/pub_8406.doc

Левинсон А. Г. О категории «средний класс» // SPERO. 2009. № 10 (Весна–лето).

- Малева Т. М.* Средний класс вчера, сегодня, завтра, или как построить «социальный лифт»? // SPERO. 2008. № 8 (Весна-лето).
- Малева Т. М., Овчарова Л. Н.* Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. — М.: ИНСОР, 2009.
- Малева Т. М., Овчарова Л. Н.* Социальный контекст модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: Сб. статей и материалов / Под ред. *В. Л. Иноземцева*. — М., 2009.
- Малева Т. М., Сиянская О. В.* Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. — М.: Поматур, 2005. — Серия «Аналитические доклады НИСП».
- Малева Т. М., Сиянская О. В.* Повышение пенсионного возраста: *Pro et Contra* // Журнал новой экономической ассоциации [в печати].
- Малева Т. М., Сиянская О. В.* Российские пенсионеры: трудовые биографии, экономическая активность, пенсионные истории // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. *Т. М. Малевой, О. В. Сиянской*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2007.
- Мау В. А.* Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы // Газета. Ru — Комментарии. 2005. 5 июля; http://www.gazeta.ru/comments/2005/07/04_a_309315.shtml
- Обзор социальной политики в России: начало 2000-х / Под ред. *Т. М. Малевой*. — М.: НИСП, 2007.
- Россия XXI века: образ желаемого завтра. — М.: ИНСОР, 2010.
- Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. — М.: РОСПЭН, 2006.
- Проблемы доступности высшего образования. / Отв. ред. *С. В. Шишкин*, Независимый институт социальной политики. — М.: Сигнал, 2003.
- М. Д. Прохоров*, председатель Комитета РСПП по рынку труда и кадровым стратегиям. Выступление на конференции «Человеческий капитал как средство модернизации экономики» в рамках Недели российского бизнеса: <http://nrb-rspp.ru/otchet/review-25/>
- Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / Отв. ред. *Л. Н. Овчарова*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2008. — 208 с.
- Семья в центре социальной политики? Сборник аналитических статей / Отв. ред. *О. В. Сиянская*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2009. — 192 с. <http://www.socpol.ru/publications/pdf/Family2009.pdf>
- Сиянская О. В., Сухова А. С.* Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенство в доступе // Семья в центре социально-демографической политики? / Отв. ред. *О. В. Сиянская*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2009. С. 73–96
- Семья в центре социально-демографической политики? / Отв. ред. *О. В. Сиянская*. — М.: Независимый институт социальной политики, 2009.
- Сколько стоит Трудовой кодекс? / Рук. авторского коллектива *Т. М. Малева*. — М.: Московский центр Карнеги, 2001.
- Социальная дифференциация высшего образования / Отв. ред. *С. В. Шишкин*, Независимый институт социальной политики. — М., 2005.
- Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации / Под ред. *Т. М. Малевой, Л. Н. Овчаровой*. — М.: Дело, 2010.
- Средние классы в России: экономические и социальные стратегии: Коллективная монография / Под ред. *Т. М. Малевой*. — М.: Гендальф, 2003.
- Analyzing Inequality: Life Chances and Social Mobility in Comparative Perspective / Ed. by *S. Svallfors*. — Stanford: Stanford University Press, 2005.
- Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge: Polity Press, 1990.
- Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics / Ed. by *S. L. Morgan, D. B. Grusky, G. S. Fields*. — Stanford: Stanford University Press, 2006.
- Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. — L.: Sage Publications, 1995.
- Rose St. J.* Social Stratification in the United States. — NY: The New Press, 2000.
- Why We Need a new Welfare State? / *G. Esping-Andersen* (ed.). — NY: Oxford University Press, 2002. Ch. 1.